

Как Ян Кухажевский стал историком,
а Лев Тихомиров «перестал быть революционером»

Недавно историческое сообщество получило в свое распоряжение первый том монографии Яна Кухажевского «От белого до красного царизма», переведенный и откомментированный Юрием Аркадьевичем Борисенком.

Впервые эта книга появилась в 1923 году, когда послужной список Кухажевского содержал больше сведений о политической, а не о научной активности автора. Выпускник юридического факультета Варшавского университета и преуспевающий адвокат был еще и политическим деятелем, причем не особенно удачливым. В 1912-м он потерпел поражение на выборах в IV Государственную думу, а позднее оказался премьер министром в недолговечном правительстве Польского королевства, созданного германскими оккупационными властями в 1916 году, чтобы исчезнуть в 1918-м. «Сохранив верность германскому блоку вплоть до самого конца мировой войны, — пишет в послесловии Ю.А. Борисенок, — амбициозный Кухажевский не мог рассчитывать на ведущие властные позиции в появившейся по воле Антанты в ноябре 1918-го независимой Польше»¹.

И вот тут-то разворачивается его масштабная деятельность на исторической ниве. Мне кажется, что именно незадавшаяся карьера политика сделала Кухажевского историком. Сложись обстоятельства его жизни иначе, мы не увидели бы многотомного труда, над переводом которого продолжает работать Ю.А. Борисенок.

«Две жизни» Яна Кухажевского, которые разделила Первая мировая война, в определенном смысле напоминают «две жизни» Льва Тихомирова, рубежом которых стала эмиграция. Один из столпов «Народной воли», как известно, в конце 1880-х годов «перестал быть революционером» и превратился в идеолога самодержавия. Как же это произошло?

За подобной переоценкой ценностей, безусловно, стоит большая человеческая трагедия. А кроме того — спецоперация, проведенная заведующим заграничной агентурой Департамента полиции в Париже Петром Ивановичем Рачковским² и его сотрудниками.

Тихомиров, член Исполнительного комитета «Народной воли», автор практически всех программных документов организации, редактор ее подпольной типографии, даже оказавшись в эмиграции, не мог не стать одним из главных объектов внимания политической полиции за границей. Его возможное влияние необходимо было нейтрализовать.

После разгрома «Народной воли» Тихомиров видел свой долг в том, чтобы доказать, что гибель героев 1 марта не означает смерть их дела. Человек крайне амбициозный, он всегда стремился находиться на ведущих позициях. Этих позиций и лишил его Рачковский, доведя «деморализацию» Тихомирова «до крайних пределов»³.

Быть «патриархом» многоликой и разобщенной эмиграции было чрезвычайно сложно. В этой среде царили «партийные» и личные склоки, взаимное недоверие. Это недоверие постоянно подпитывалось появлением подозрительных личностей, выдававших себя за революционеров или сочувствующих. Одной из таких личностей оказался Аркадий Михайлович Ландезен — студент Цюрихского политехникума и агент Рачковского, возникший на горизонте русской эмиграции в начале 1885 г. Он занимает немаловажное место в нашей истории, и о нем мы еще поговорим. А двумя годами раньше на покаяние к Тихомирову явился Сергей Петрович Дегаев, провокатор, деятельность которого сокрушила остатки «Народной воли». Выяснение его роли, несомненно, стало для Тихомирова тяжелым моральным ударом.

Стоит заметить, что от всех упомянутых выше сотрудников заграничной агентуры тянутся нити к знаменитому инспектору секретной полиции Георгию Порфирьевичу Судейкину. И все они использовали и развивали судейкинские методы борьбы с революционным движением, столь

же бессовестные, сколь и эффективные. Под руководством Судейкина начинал свою полицейскую карьеру Рачковский, который ратовал за развитие внутренней агентуры и писал, что политическая полиция должна «находиться не позади возникающих революционных предприятий, а идти им навстречу»⁴. Он был впервые командирован в Париж по следам Дегаева, агента Судейкина, купившего прощение преданных им народовольцев ценой жизни шефа⁵. Судейкиным же был завербован и Ландезен — «в девичестве» Аарон Мордухович Геккельман, а впоследствии Аркадий Михайлович Гартинг, с 1900 года заведовавший Берлинской агентурой Департамента полиции.

Но вернемся к эмигрантам. Будучи еще скромным школяром Ландезеном, агент Рачковского должен был освещать народовольческие круги в Швейцарии, а затем во Франции, куда он перебрался в 1886 г. в качестве студента парижского Сельскохозяйственного института. Втереться в доверие к вечно настороженным эмигрантам ему помогла еще одна черта, отличавшая существование этих «потерпевших кораблекрушение» людей — их беспросветная нужда.

В частности, тому же Льву Тихомирову средства к жизни доставляло его сотрудничество (разумеется под псевдонимом) с русскими журналами «Отечественные записки» и «Дело», а в середине 1884 года они были закрыты. Так вот Ландезен, представившийся сыном варшавского банкира, всегда был готов помочь материально. Он жил на одной квартире с Алексеем Николаевичем Бахом⁶, быстро превратив ее в гостеприимный уголок, где за щедрым столом, эмигранты вели доверительные беседы. Ландезен был «свой парень», его не стеснялись. Бах познакомил его с Тихомировым, которого Ландезен тоже ссужал деньгами.

Может быть, сближение агента с объектом, а может быть и личная прозорливость Рачковского позволила ему нащупать самое уязвимое место Тихомирова. Как я уже говорила, он всеми силами стремился поддержать

авторитет «Народной воли», продолжая играть в революционном движении центральную роль.

Влиять на молодые умы в России эмиграция могла только с помощью печатного слова. С огромным трудом было налажено издание «Вестника Народной воли». Редакция находилась в Париже, руководили ей Петр Лаврович Лавров и Тихомиров. Из России поступала информация — о ситуации в стране, о преступлениях царского режима и героической борьбе революционеров — переплавлявшаяся во вдохновенные статьи с призывом не слагать оружие. Участие в издании «Вестника Народной воли» было для Тихомирова жизненно важным.

Во многом поэтому журнал стал для Рачковского главной мишенью. Его агенты установили местонахождение женеvской подпольной типографии, и в ночь на 9 ноября 1886 года она была буквально разгромлена — отпечатанную литературу уничтожили, весь запас шрифта разбросали по городу. Тихомиров отдал последние силы на восстановление типографии, издание было возобновлено. Вслед за этим, — сообщал начальству Рачковский, — «последовал ряд хвастливых задорных уверений его друзьям в том смысле, что он, Тихомиров, несмотря ни на какие потери, никогда, пока он жив и безопасен, не допустит «Народную Волю» сойти с её передового места в революционном движении»⁷. Но в феврале 1887 г. налёт повторили.

«После уничтожения народовольческой типографии, — докладывал Рачковский директору Департамента полиции Петру Николаевичу Дурново, — эмигранты решили поднять тревогу в иностранной печати и воспользоваться означенным случаем, чтобы выступить перед Европой с ожесточёнными нападками на русское правительство. Зная о таком намерении, я решил не только противодействовать ему, но, вместе с ним, и деморализовать эмиграцию с помощью той же печати, на которую революционеры возлагали столько надежд». Рачковский организовал во французской прессе целую кампанию по дискредитации русской

революционной эмиграции. И «результаты оказались самые блестящие: получая отповедь на каждую свою заметку в нескольких органах радикальной парижской печати, эмигранты скоро вынуждены были замолчать»⁸.

Отчитываясь перед начальством за расходы на проведение операции, Рачковский писал: «Ход борьбы с Тихомировым создал необходимость в брошюре, где под видом «исповеди нигилиста» разоблачались бы кружковые тайны и тёмные стороны эмигрантской жизни, тщательно скрывавшиеся от посторонних. Г. Гансен⁹, выбравши французский стиль брошюры, отыскал для издания фирму, а самое печатание брошюры обошлось мне в 200 фр. Наконец, на отпечатание двух протестов против Тихомирова мною было дано из личных средств 300 фр.»¹⁰. Средства, наверняка, были ему возмещены. А за всю эту «конспирацию» Рачковского произвели в чин губернского секретаря и наградили орденом св. Анны III степени. Ему удалось добиться не только прекращения крамольного издания, но и «довести ... Тихомирова буквально до бешенства, которое вскоре затем сменилось полным упадком как умственных, так и физических сил»¹¹.

Тихомиров был буквально раздавлен. Разгром типографии совпал для него с очень тяжелыми личными обстоятельствами — хроническое безденежье, тяжелая болезнь сына. Находившийся на грани отчаяния, Тихомиров делает пометку в дневнике, который он вел в Париже с августа 1883-го по 21 января 1889 года: «я—ничто, нуль; я существо даже уже пришибленное; и в то же время я не могу отказаться от желания серьезно, глубоко влиять на жизнь»¹².

Вероятно, именно это желание, помимо всего прочего, заставило Тихомирова сменить роль теоретика «Народной воли» на роль идеолога российской монархии; пост редактора старейшей консервативной газеты «Московские ведомости», который он занял в 1909 году, тоже позволял ему «влиять на жизнь».

В 1888 году на 300 франков (из «личных средств» Рачковского), переданных ему Ландезеном¹³, Тихомиров опубликовал свою знаменитую брошюру «Почему я перестал быть революционером». «...Когда мне приходилось разорвать с эмигрантами, — вспоминал он — я, по желанию Ландезена, изложил ему свои взгляды на глупости революции; он мне поддакивал и предложил денег на издание моей брошюры»¹⁴. С помощью Рачковского (в качестве секретаря русского посольства Петра Ивановича Леонова), который произвел на Тихомирова впечатление «очень интересного и даже симпатичного человека»¹⁵, он подал прошение о помиловании и вскоре вернулся в Отечество.

Ключевая фраза в этом тексте — «играть роль». Нереализованные политические амбиции, желание играть значительную роль сближает наших героев. Если бы Кухажевскому удалось сыграть роль политика, вряд ли он разразился бы своим желчным трудом. Но, с другой стороны, благодаря этому обстоятельству, как и благодаря блестящему переводу Ю.А. Борисенка, мы имеем возможность читать его книгу.

¹ Ян Кухажевский. От белого до красного царизма. Том 1. Николаевская эпоха. М. 2015. С. 378.

² П.И. Рачковский стал персонажем одного из последних переведенных на русский язык романов Умберто Эко «Пражское кладбище» (М., 2012).

³ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л. 15.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1892. Д. 888. Л. 32.

⁵ Г.П. Судейкин был убит 16 декабря 1883 года на конспиративной квартире в Петербурге народовольцами В.П. Конашевичем и Н.П. Стародворским при содействии С.П. Дегаева.

⁶ Бах Алексей Николаевич (Абрам Литманович, Александр Николаевич) (1857—1946) — биохимик и физиолог растений, академик АН СССР. С 1883 г. член киевской организации «Народной воли». С 1885-го по 1917 г. в эмиграции.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л. 15.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1888. Д. 28. Л. 24.

⁹ Бывший советник французского Министерства иностранных дел, журналист (См.: В.С. Брачев. Заграничная агентура ДП (1883—1917). СПб. 2001. С. 23).

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1888. Д. 28. Л. 24.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л.15 (об.).

¹² Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 1927. С. 200.

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1888. Д. 28. Л. 25.

¹⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 1927. С. 314.

¹⁵ Там же. С. 240.